

СОБЫТИЕ

Общая газ. - 1996 -
5 сент. - с. 10.

Как просто быть великим

Борис Пастернак глазами сына

ОМНИ, Жень, — если ты будешь когда-нибудь писать обо мне, — что я никогда не был максималистом. А во всем остальном можешь говорить про меня все что хочешь». С этой ошеломляющей, повергающей в долгие раздумья цитаты хочется начать разговор о новой работе **Евгения Борисовича Пастернака «Из воспоминаний»** («Звезда», 1996, № 7). В последнее время очень модным сделался подход к биографиям писателей как своего рода «текстам», легендам, которые творятся самими художниками на протяжении всей жизни. Эти культурологические шалости зашли так далеко, что Ахматова, Мандельштам, Пастернак, Зощенко под пером шустрых эссеистов начинают выглядеть почти как «играющий в жизнь» Венчик Ерофеев или даже как Ерофеев Виктор, отдающий все свои творческие силы исключительно созданию писательского имиджа.

«Вся жизнь была только единоборством с царствующей пошлостью за свободный и играющий человеческий талант», — сказал Борис Пастернак на пороге смерти. Да, играет талант («Как играют овраги, / Как играет река...»), но жизнь поэта игрою не была. Опубликованные «Звездой» воспоминания не просто пополняют обширную и мозаичную «пастернакиану» — они заставляют ее радикально переосмыслить, окончательно отказавшись от расхожих представлений об «эксцентричности» жизненного поведения поэта, о его «эгоцентричности» (которую мы натурам артистическим великодушно прощаем).

Нет ничего легче, чем собрать с чужих слов десяток биографических фактов и наvertеть на них очередную «оригинальную» концепцию. Нет ничего труднее, чем описать облик великого художника «с натуры», стремясь к максимальной точности. Эта цель требует не только этической правдивости, но и писательского мастерства. «Из воспоминаний» — это больше чем мемуары, это факт прозы, это невыдуманная повесть. Автор немало рассказывает о себе самом, что совер-

шенно необходимо для погружения читателей в интимно-эмоциональную атмосферу пастернаковского мира. Описывая свое детство, Е.Б. Пастернак прибегает к своеобразной сентименталистской поэтике, единственно верной в данном случае. Любопытно, что он называет главного героя повествования то «папочкой», то «Борей» (как бы от имени матери) — и это «двойное освещение» создает эффект стереоскопичности, эффект присутствия. По контрасту вспоминается, что в своей научной книге «Борис Пастернак. Материалы для биографии» (1989) тот же автор называл героя только Пастернаком, а о себе самом упоминал сухо как о «сыне Евгении». Очень важны эти мелочи, эти тонкости, а то ведь многие представители нашей «филологической элиты» на всяческих банных чтениях блещут сегодня банно-коммунальной беспардонностью, словно «тыкая» классикам.

Е.Б. Пастернак не навязывает вам никакой умозрительной концепции, его задача — только изобразительная. От страницы к странице, от эпизода к эпизоду фигура главного героя вырисовывается все объемнее, и тут у каждого читателя возникают свои впечатления и обобщения. У меня, например, окончательно устоялось ощущение двух начал пастернаковской натуры — абсолютной сосредоточенности на творчестве и абсолютной естественности житейского поведения. Замечательны свидетельства о, так сказать, практической эстетике Пастернака. Вот он в разговоре с сыном ненавязчиво, без полемического азарта опровергает эффектные положения статьи Маяковского «Как делать стихи» (кто не клонул в юные годы на идею «ритмического гула»!). Пастернак рождение поэзии описывает совершенно по-иному: «Все начинается с композиции... Пока нет композиционного замысла, стихотворения не существует. Сколько бы ты ни подбирал строки или вслушивался в ритм, ничего еще нет. Только после возникновения композиции появляется стихотворение, начинается работа». Как хочется, чтобы это вовремя прочли те, кто еще не

начал писать! Ведь нечитабельность большей части нашей поэзии, прозы, критики обусловлена именно тем, что авторы любовно слушают свой собственный голос, а о композиции начинают думать лишь тогда, когда редакторы требуют сокращения их бесконечной тяготинки.

Замечательный ответ на свои вопросы найдут и любители «точного» определения прототипов. На место Лары из «Доктора Живаго», как известно, претендовали Ольга Всеволодовна Ивинская (сдержанная и убедительная полемика с которой ведется в рецензируемой работе исключительно деликатно) — и в то же время вторая жена писателя Зинаида Николаевна. Вот реакция самого создателя романа: «Папа на ходу, подымаясь по лестнице к себе наверх и не желая заводить долгий разговор, спокойно ответил: — Ну, если это тебе льстит, Зинуша, то — ради Бога: Лара — это ты». «У себя», «Наверху» художник искренне равнодушен к таким праздным, внехудожественным соображениям. Сосредоточенность на своем труде окружающие, и не очень при этом занятые, люди нередко принимают за безразличие. Между тем надо уметь дорожить тем бесценным вниманием, которое великий писатель успевает оказать своим спутникам по земному существованию. Е.Б. Пастернаку это мудрое понимание свойственно в высшей степени — и, думаю, оно передастся многим читателям.

Жизнь то и дело ставит писателей в двусмысленное положение: идет ли разговор с Николаем I о декабристах, со Сталиным ли о Мандельштаме, с администрацией ли президента о поддержке его на выборах. И побеждает тут не тот, кто «умнее». «Такие люди мне непонятны и неприятны неестественностью положения и двойственностью своей роли», — говорил Пастернак об Эренбурге. Побеждает тот, кто остается собой, ни единой долькой не отступая от лица. Так жил Борис Пастернак, и то, что написано о нем сыном, не просто стоит прочесть — нельзя не прочесть.

Владимир НОВИКОВ